

Будущее говорит с прошлым: стратегии стран БРИКС в отношении Европейского союза

Александра Архангельская,
Тимофей Бордачёв,
Бруно Мариотто Жубран,
Ниведита Капур, Василий Кашин,
Алексей Куприянов,
Дмитрий Разумовский, Дмитрий Суслов

Данный текст отражает личное мнение автора или группы авторов, которое может не совпадать с позицией Клуба, если явно не указано иное.

ISBN 978-5-907318-31-1

© Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2021

Российская Федерация, 115184, Москва,
улица Большая Татарская, дом 42

Об авторах

Александра Александровна Архангельская

Ведущий научный сотрудник НИУ ВШЭ; научный сотрудник Института Африки РАН; член Национального комитета по исследованию БРИКС; член «Форума-диалог Россия – Южная Африка»

Тимофей Вячеславович Бордачёв

Программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай»; научный руководитель Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ

Бруно Мариотто Жубран

Доктор международных стратегических исследований, Федеральный университет Риу-Гранди-ду-Сул (Universidade Federal do Rio Grande do Sul)

Ниведита Капур

Младший научный сотрудник программы стратегических исследований фонда Observer Research Foundation

Василий Борисович Кашин

Старший научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ

Алексей Владимирович Куприянов

Руководитель Группы Южной Азии и региона Индийского океана Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН

Дмитрий Вячеславович Разумовский

Директор Института Латинской Америки РАН

Дмитрий Вячеславович Суслов

Заместитель директора Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ

Содержание

- 3** **Возможна ли общая стратегия БРИКС по отношению к ЕС? Вместо предисловия**
- 6** **Российский подход к ЕС сквозь призму БРИКС: от уникальности к нормальности**
- 13** **Отношения Европы и Китая в период глубокой трансформации**
- 22** **Европа и Индия: от «брака по договорённости без любви» к неопределённому будущему**
 - Предыстория
 - Саммит 2020 года
 - Траектория отношений между Индией и Европой до 2020 года
 - Оценка стратегического партнёрства
 - Выводы
- 34** **Европа: взгляд из Бразилии**
- 40** **Новый рассвет? Отношения между Южно-Африканской Республикой и Евросоюзом**
 - Предыстория
 - Современная динамика отношений ЮАР и ЕС
 - Торгово-инвестиционные отношения
 - Выводы
- 46** **БРИКС и Европа: новый взгляд на международную политику. Вместо заключения**

Тимофей Бордачёв

Возможна ли общая стратегия БРИКС по отношению к ЕС? Вместо предисловия

С точки зрения институциональной теории международных отношений Европейский союз и группа БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка) – это формально родственные по своей природе межгосударственные объединения. Но фактически – они антагонисты. Этот антагонизм является концептуальным – Европейский союз и БРИКС олицетворяют старое и новое в международной политике и способах институционального взаимодействия государств. Сейчас, когда есть серьёзные основания для неуверенности в будущем институциональных форм взаимодействия между государствами в принципе, будущее Европейского союза и БРИКС представляет собой одинаковый интерес для нашего понимания, на каких основах государства смогут сохранить это важнейшее достижение XX века.

Цель данного доклада – проанализировать национальные подходы стран БРИКС к современной Европе, её роли в мировых делах и приоритеты национальных правительств на данном направлении. На основе этого анализа страны БРИКС смогут постепенно двигаться к формулированию стратегии при взаимодействии с наиболее важными внешними партнёрами.

В какой-то мере доклад является экспериментом, поскольку здесь к Европейскому союзу применяется тот подход, который он сам достаточно давно использует в отношении внешнего мира: современная Европа здесь представляет собой не ведущего игрока, а объект национальных политик и стратегий группы крупных государств, из которых два – Индия и Китай – это первая и вторая по численности населения державы планеты. Мы вряд ли можем рассчитывать на то, что отношения между БРИКС и ЕС в будущем станут взаимодействием двух равновеликих объединений. Практика международной политики в принципе не знает таких примеров. По мере своего развития региональные объединения государств неизбежно стремятся к формированию коллективного интереса на основе национальных интересов и ценностей своих участников. Это, безусловно, полезно для их устойчивости, но в то же время неизбежно ведёт к повышению степени эгоизма в отношениях с внешними партнёрами. Тем более, что сейчас мы наблюдаем устойчивую тенденцию, когда ценностное измерение внешней политики становится всё более разделяющим фактором в отношениях между государствами.

Так или иначе, ландшафт международной политики будет постепенно выравниваться – в ней не станет ярко выраженных лидеров, способных предложить другим институциональные и нормативные решения универсального характера. Европа уже не может рассчитывать на то, что её установки повлияют на поведение других и сделают их более комфортными партнёрами для европейских государств с их эгоистическими интересами. И поэтому, глядя в будущее, мы должны хотя бы примерно понимать, как станут выглядеть отношения равных по собственной самооценке держав или межгосударственных объединений. В этом смысле опыт того, как страны БРИКС видят Европу и что они от неё хотят получить, представляет для нас не только теоретический, но и значимый прикладной интерес.

Современная Европа является олицетворением международного порядка, созданного странами Запада после Второй мировой войны и распространившегося на весь остальной мир после 1991 года. Институты и правила Европейского союза основаны на стремлении к общей ценностной базе, солидарности участников по ключевым вопросам внешней политики, разрешении конфликтов между ними переговорным путём и исключении военной силы из отношений между собой. Европейская интеграция была предметом «сделки» группы стран при доминирующем экономическом и военно-политическом преобладании Германии и Франции, которые были главными получателями выгод от всего интеграционного проекта. Военное лидерство США было ключевым условием её успеха, как и выживаемости всего либерального мирового порядка.

Сейчас этот международный порядок заканчивается в результате масштабных изменений глобального баланса сил. Сравнительное сокращение силовых возможностей стран Запада привело к фундаментальным изменениям как в масштабах международной политики, так и на региональном уровне. Европейская интеграция испытывает стресс в связи с необходимостью внутренней перестройки под влиянием внешних вызовов и накопленных внутренних проблем. Меняется баланс сил внутри Европейского союза – Германия всё больше претендует на фактическое лидерство как самая экономически значимая страна Европы. Внутри ЕС возникают скрытые и явные расколы по вопросам ценностного измерения.

Группа БРИКС в свою очередь является порождением либерального мирового порядка, приветствовавшего любые формы институционального взаимодействия стран, и одновременно выдвигает ему альтернативу. Суть её – в отсутствии внутри этого сообщества вероятности возникновения одного лидера, мы не можем рассчитывать даже на то, что две страны поведут за собой всех остальных. Как наиболее крупные страны БРИКС – Китай, Индия и Россия, – так и менее значимые пока в международных делах Бразилия и Южная Африка не могут рассчитывать на то, чтобы занять позиции гегемона внутри сообщества. Пока практика международных институтов не знает успешного опыта формирования сообществ, в которых ни один из участников не играл бы ярко выраженной лидирующей

роли. Поэтому БРИКС – это в какой-то мере прообраз международных институтов будущего мира реальной многополярности, в котором важнейшим ограничителем поведения государств является не блоковая дисциплина, а способность соотносить собственные интересы с интересами и ценностями партнёров.

Все страны БРИКС связаны с Европой множеством контактов и интересов в политической и экономической областях. Они видят в ЕС не только потенциального конкурента и инвестора, но и фактор отношений друг с другом, глобального взаимодействия с США. Во всех странах БРИКС накоплен собственный уникальный опыт отношений с европейскими государствами и Евросоюзом как институтом. С точки зрения авторов этого доклада, наличие данного опыта может позволить в ближайшей перспективе изучить вопрос о выработке общей рамочной коллективной стратегии БРИКС по отношению к Европейскому союзу.

Доклад представляет собой сборник из пяти эссе, подготовленных выдающимися экспертами и учёными из России, Бразилии, Индии, Китая и Южно-Африканской Республики. Каждое подготовлено в соответствии с авторской методологией – мы не стремились к унификации структуры и тематической разбивки разделов отдельных глав. Тем более, что такая попытка была бы самонадеянной в методологическом отношении и ошибочной в политическом плане – страны БРИКС достаточно велики и самодостаточны для того, чтобы мы могли рассчитывать поместить их в единую рамку. Для авторов и руководителя авторского коллектива самое важное – сделать первый шаг на пути к пониманию того, как гипотетически могла бы выглядеть общая стратегия БРИКС по отношению к Европейскому союзу.

Не стоит также искать политические причины в расстановке авторских глав. Это российский доклад, и именно Россия среди всех стран БРИКС обладает наиболее сложным и неоднозначным опытом отношений с Европой. Только Россия на протяжении нескольких сотен лет стремилась к тому, чтобы стать одним из элементов европейского баланса сил. Завершение этого стремления мы наблюдаем сейчас, да и то с высокой степенью неопределённости. Индия среди всех стран БРИКС также обладает уникальным опытом – в данном случае наследие колониальных отношений остаётся наиболее живым и отражается на национальной политике и дискуссии. Китай смотрит на Европу сверху вниз в силу своих масштабов и места в глобальном балансе сил, хотя также испытывает в отношении Старого Света фантомные боли, связанные с эпохой своего внешнеполитического унижения. Бразилия и Южно-Африканская Республика видят Европейский союз во многом через призму своих региональных интересов и амбиций в Африке и Латинской Америке.

Этот доклад не содержит конкретных рекомендаций или выводов, суммирующих национальные позиции стран, – время для этого ещё не пришло. Но совершенно точно – разговор о том, каким мог бы стать коллективный интерес БРИКС в отношении Европы, даже немного запоздал по времени своего начала, и сейчас мы стремимся это компенсировать.

Дмитрий Суслов

Российский подход к ЕС сквозь призму БРИКС: от уникальности к нормальности

Будучи географически, исторически и цивилизационно европейской страной, Россия занимает среди государств БРИКС уникальное положение относительно Европейского союза. Отношения России с ним носят экзистенциальный характер. Большая часть российского населения и промышленного потенциала находится в её европейской части. Западная и Центральная Европа были на протяжении последних трёх веков источником и российской модернизации, и большинства военных агрессий против России, в том числе грозивших гибелью российского государства. Именно в Европе находился главный фронт холодной войны. Экономически отношения России и ЕС отличаются взаимозависимостью и взаимодополняемостью: даже через шесть лет после начала украинского кризиса и обвала прежней модели отношений, введения санкций и контрсанкций ЕС остаётся главным торговым партнёром России, а она, в свою очередь, – главным поставщиком энергоресурсов для стран Евросоюза. Всё это означает, что взаимодействие с ЕС и с его отдельными странами-членами, вопреки политической риторике, для России гораздо важнее, чем для других государств БРИКС.

Но главное отличие России от стран БРИКС касательно отношений с ЕС всё же в другом. Россия – единственный участник объединения, в отношении которого ЕС проводил политику европеизации. Он пытался обеспечить гармонизацию значительной части её законодательства, стандартов и принципов политического и экономического развития со своими собственными и рассчитывал, что в итоге Россия станет частью политико-экономического и интеграционного пространства, ориентированного на ЕС, де-факто, а то и де-юре, ассоциированным с ним государством. В 2002 году бывший тогда председателем Еврокомиссии Романо Проди сформулировал продвигавшуюся Брюсселем формулу отношений с Москвой как «объединение всего, кроме институтов». По сути, это модель ассоциации. Подобная политика

не проводилась Евросоюзом ни в отношении кого бы то ни было ещё из стран БРИКС и других центров силы.

Более того, в течение как минимум полутора десятилетий – до второй половины 2000-х годов – Россия сама стремилась к тесной интеграции с Евросоюзом и ошибочно считала, что максимальное сближение с ним без формального вступления в качестве постоянного члена позволит обеспечить экономическую модернизацию и сохранить государственный суверенитет. Выступая в сентябре 2001 года в германском Бундестаге, президент Владимир Путин предложил Европе «объединить собственные возможности с возможностями российскими – людскими, территориальными и природными ресурсами, с экономическим, культурным и оборонным потенциалом России». В 2003 году Россия и ЕС выступили за создание четырёх «общих пространств» – экономического, внутренней безопасности, внешней безопасности, а также науки, образования и культуры; в 2005 году приняли дорожные карты реализации этих пространств, при этом сближение российского законодательства с законодательством ЕС являлось главным инструментом реализации дорожной карты общего экономического пространства. Ни с кем из стран БРИКС, включая Китай, Россия за «общие пространства» не выступала. Не будет преувеличением сказать, что в первой половине 2000-х годов политика России носила евроцентричный характер: Москва надеялась создать с ЕС совместный центр силы и экономического развития глобального значения, основанный на интеграции в экономической сфере, тесном сотрудничестве в гуманитарной сфере и партнёрстве в области безопасности.

Во второй половине 2000-х годов модель европеизации в отношениях России и ЕС зашла в тупик. Расширение Евросоюза 2004 года и поддержанная им «оранжевая революция» на Украине того же года резко усилили геополитическое соперничество России и ЕС на постсоветском пространстве, что повлекло за собой политизацию и секьюритизацию их отношений в энергетической сфере. Обострение отношений с США и ЕС второй половины 2000-х годов и проявившееся в то же время масштабное перераспределение сил в пользу незападных стран, реальное формирование многополярной структуры мира вкупе с экономическим возрождением самой России подтолкнули её к тому, чтобы позиционировать себя в качестве независимого полюса многополярного мира и, следовательно, интенсифицировать россицентричную интеграцию на пространстве бывшего СССР. Европейский

союз стал рассматриваться как соперник, пытающийся вырвать постсоветские страны из российской интеграционной орбиты и включить в свою собственную. Это соперничество ещё больше обострилось после грузино-южноосетинского конфликта августа 2008 года, когда ЕС запустил политику «Восточного партнёрства» в отношении Украины, Белоруссии, Молдавии, Грузии, Армении и Азербайджана, ориентированную на заключение с ними соглашений об ассоциации.

Тем не менее инерция «европеизации» сохранялась в российской политике вплоть до украинского кризиса 2014 года, а осколки этой модели сохраняются по сей день. Ещё в 2013 году – в год так называемого Евромайдана в Киеве – утверждённая тогда Концепция внешней политики России провозглашала в отношениях с Европейским союзом цель «продвижения к созданию единого экономического и гуманитарного пространства от Атлантики до Тихого океана». Объяснялось это тем, что Россия является «неотъемлемой, органичной частью европейской цивилизации». В утверждённой в том же году дорожной карте энергетического сотрудничества России и ЕС до 2050 года указывалось, что «к 2050 году Россия и ЕС должны будут стать частью общего субконтинентального энергетического рынка», то есть, по сути, говорилось о создании общего энергетического рынка Россия – ЕС. Ни с одной из стран БРИКС, включая Китай, Россия подобных проектов не планировала, и она остаётся единственным участником «пятерки», который ставил такие цели в отношении ЕС. Уникальной была и плотность диалога Россия – ЕС, опять-таки, не имевшая аналогов ни среди внешнеполитических связей России, ни среди стран БРИКС с ЕС: два саммита в год, деятельность рабочего института сотрудничества на министерском уровне – Постоянного совета партнёрства, обилие секторальных диалогов.

Подобная особенность отношений России с ЕС связана не только с тем, что до тектонического перераспределения сил в мире второй половины 2000-х годов Москва видела в Евросоюзе единственный в своём соседстве полюс процветания и источник модернизации. Вплоть до обвала отношений с ЕС в 2014 году Россия грезилась мечтой о «Большой Европе» – пространстве от Атлантики до Владивостока, основанном на равноправном сотрудничестве и даже интеграции двух интеграционных проектов – ЕС и того, что выстраивался вокруг России (Евразийское экономическое сообщество – Таможенный союз – Евразийский

экономический союз), а также тесном сотрудничестве в области безопасности. Российское видение «Большой Европы» было созвучно горбачёвскому «общему европейскому дому»: страна не хотела раствориться в Европейском союзе, но стремилась к тому, чтобы два главных евразийских центра силы – ЕС и сама Россия – наиболее плотно сотрудничали друг с другом и устранили разделявшие их визовые, экономические, военно-политические барьеры. Были все основания полагать, что подобное объединение стало бы одним из мощнейших центров силы в мире, сопоставимых с США и Китаем.

Обязательными предварительными условиями подобного конструкта, на которые надеялась Россия, были, **во-первых**, превращение Евросоюза в самостоятельный центр силы по вопросам безопасности и выход из-под опеки США; **во-вторых**, централизация принятия решений в ЕС по вопросам внешней политики и политики безопасности, причём на основе позиций западноевропейских стран, и невелирование антироссийского и проамериканского влияния Польши и стран Балтии. Действительно, главным недостатком системы безопасности в Европе, которая возникла там после окончания холодной войны, в России считали и продолжают считать присутствие и даже доминирование в ней США, институциональным выражением чего является НАТО.

Американское военное присутствие воспринимается как главная военная угроза, с которой Россия сталкивается на западном направлении, и именно преобладание НАТО в архитектуре европейской безопасности и США – НАТО рассматривается в качестве главной причины выталкивания России из этой архитектуры, невозможности выстроить неделимую систему безопасности в Европе. Считается, что, если военное и геополитическое присутствие США в Европе, а вместе с ним и НАТО, ослабнут, ЕС будет рассматривать Россию в качестве естественного партнёра и союзника, силы взаимного тяготения между ними возьмут верх, и «Большая Европа» в области безопасности станет реальностью, на которую наложится и экономическая «Большая Европа» в виде тесного сотрудничества и интеграции ЕС – ЕАЭС. Это, в свою очередь, требует более серьёзного отношения европейских стран к вопросам жёсткой безопасности, выстраивания ими настоящей централизованной политики в области безопасности и обороны, включая создание независимой от НАТО системы коллективной обороны, и наращивания, опять-таки, отдельно от НАТО, оборонных расходов.

Во второй половине 2010-х годов в Москве пришли к выводу, что подобный сценарий крайне маловероятен, по крайней мере – в обозримой перспективе. Евросоюз не стал самостоятельным геополитическим центром силы, не приобрёл субъектности в вопросах жёсткой безопасности и лишь ещё сильнее прижался к США. Ни Евросоюз в целом, ни западноевропейские страны в отдельности не соглашались вести с Россией независимые от США диалоги по вопросам жёсткой безопасности в Европе – таким, как противоракетная оборона, ракеты средней и меньшей дальности или реформа архитектуры европейской безопасности в целом. Даже в период правления Дональда Трампа, отличавшегося особенно оскорбительной риторикой в адрес ЕС и говорившего об оборонных обязательствах США в рамках НАТО как о платной услуге, разговоры о «стратегической автономии» Евросоюза так и остались разговорами. Стиснув зубы, Европа молилась на уход Трампа и на возвращение «нормальной» Америки в виде «благожелательного гегемона», а параллельно выражала солидарность с США по всем существенным вопросам военной безопасности (как, например, ДРСМД). Победа Байдена, обещающего укрепить НАТО, незыблемость присутствия и обязательств США в Европе и отношения с западноевропейскими странами в целом, встречена в Евросоюзе эйфорией и погружает его в сладкое геополитическое забытьё.

Равным образом не реализовались надежды на большую централизацию принятия решений в ЕС по вопросам внешней политики и политики безопасности на основе западноевропейских позиций. Влияние Польши и стран Балтии не только не растворилось, но во многом стало определяющим в политике ЕС в отношении восточных соседей, резко изменило общий евросоюзовский знаменатель в отношении РФ в сторону отчуждения и сдерживания. Уже история с польским вето на переговоры о новом стратегическом соглашении, которое должно было заменить Соглашение о партнёрстве и сотрудничестве Россия – ЕС от 1994 года, – вето, державшееся полтора года (с осени 2006-го по весну 2008-го), показало, что Евросоюз не в состоянии обезопасить отношения с Россией от негативного влияния «новичков». Более того, по многим вопросам их двусторонних споров с Россией он вставал на их сторону.

Наконец, безотносительно США, Польши и государств Балтии, Евросоюз и западноевропейские страны не демонстрировали готовности рассматривать Россию равноправным партнёром, даже в рамках

ориентированного на неё проекта экономической интеграции. Напротив – как минимум с 2003 года, когда Брюссель запустил политику соседства, проводилась и проводится линия, нацеленная на ослабление российского влияния на пространстве бывшего СССР и включение его элементов в интеграционную орбиту самого ЕС. Это проявлялось в позиции ЕС в отношении так называемых «замороженных конфликтов» на постсоветском пространстве, «цветных революций» в регионе и послереволюционного развития Украины и Грузии, в его политике в Центральной Азии, политике Восточного партнёрства, в политике в отношении Украины после 2014 года (в том числе позволяющей Киеву открыто и последовательно саботировать выполнение Минских соглашений, не только не неся от этого издержек, но и получая поддержку извне), в категорическом отказе признать Евразийский экономический, а до этого – Таможенный союз. Никаких «гармонизации и сопряжения процессов европейской и евразийской интеграции», о которых говорится в действующей Концепции внешней политики России от 2016 года как об условии «формирования общего экономического и гуманитарного пространства от Атлантики до Тихого океана», не происходит. Налицо прямо противоположный процесс.

В результате в России пришли к выводу, что в ближайшие годы про идею «Большой Европы» стоит забыть. Вместо неё появилась идея «Большой Евразии» – пространства тесного экономического сотрудничества и отсутствия геополитического соперничества на пространстве Россия – ЕАЭС – Китай – ШОС, триггером к формированию которого стало историческое соглашение Москвы и Пекина от 2015 года о сопряжении Евразийского экономического союза и китайской инициативы «Пояс и путь». Сравнение нынешних отношений между Россией, ЕАЭС и Китаем с отношениями между Россией и ЕС показывает, что «Большая Евразия» уже состоялась: интенсивность политико-дипломатических отношений на пространстве от Бреста до Шанхая не идёт ни в какое сравнение с замороженным политическим диалогом с ЕС, а в последнее время и на ближайшую перспективу – и с ключевыми государствами Евросоюза. Китай уже стал главным торгово-экономическим партнёром России, и объём российско-китайского товарооборота в два раза превышает товарооборот России с Германией. В отличие от Европы, на пространстве «Большой Евразии» отсутствует «игра с нулевой суммой»: Китай не стремится подорвать россиецентричные ЕАЭС и ОДКБ и подписал с Евразийским союзом торговое соглашение, а Россия, в свою очередь, не рассматривает экономическое присутствие Китая в Центральной Азии как угрозу.

При этом формирование «Большой Евразии» полностью комплементарно с участием России в БРИКС. Россия рассматривает себя не столько союзником Китая, сколько отдельным самостоятельным полюсом многополярного мира, выстраивающим с Пекином отношения равноправного партнёрства. «Большая Евразия» – это результат обоюдного решения двух самостоятельных центров силы отказаться от «игры с нулевой суммой» в регионе общего соседства и сотрудничать на благо экономического развития и безопасности друг друга. БРИКС же выступает воплощением положения России в качестве подобного самостоятельного полюса многополярного мира, развивающего партнёрские отношения не только с КНР, но и с другими незападными центрами силы.

По мере того как Россия и ЕС всё более отдалялись друг от друга в политическом, военно-политическом, ценностном и интеграционном отношениях, БРИКС начинал играть в российской внешней политике всё более значимую роль. В отличие от стран ЕС, партнёры по «пятёрке» – единомышленники России по многим вопросам глобального управления и развития и разделяют её стремление к формированию справедливого многополярного миропорядка, в котором отсутствует глобальный гегемон, осуществляется коллективное лидерство в борьбе с общими вызовами и уважается цивилизационное и политическое многообразие. Укрепляя себя в качестве независимого центра силы глобального значения, участника и одного из лидеров «Большой Евразии», Россия рассматривает БРИКС как наиболее естественную для себя площадку глобального управления. То есть если «Большая Евразия» для России представляется геополитическим и геоэкономическим домом, то БРИКС – наиболее близкий и естественный институт сотрудничества по глобальным вопросам, продвижению многополярного миропорядка на глобальном уровне. Показательно, что к звучащим время от времени на Западе идеям вернуть Россию в *G8* Москва относится без энтузиазма: как страна, подчёркивающая свою незападную идентичность, она не видит для себя особого смысла в участии в западных институтах.

Таким образом, в ближайшие годы про особость отношений России и ЕС, характерную для периода после окончания холодной войны, можно забыть. Москва и Брюссель будут друг для друга в лучшем случае соседями, причём разделёнными военно-политическим, ценностно-политическим и интеграционным забором, а в худшем – геополитическими конкурентами. События в Белоруссии, Молдавии, Закавказье и на Украине

свидетельствуют о том, что на первое место выходит именно вторая альтернатива. Россия будет сочетать соперничество с Евросоюзом на постсоветском пространстве и в сфере энергетики с элементами сотрудничества с отдельными государствами – членами ЕС, и с избирательным сотрудничеством на международной арене (например, по вопросам ядерной программы Ирана). При этом по степени взаимного политического и ценностного отчуждения она уже превратилась в отношении ЕС в нормальную страну БРИКС.

Василий Кашин

Отношения Европы и Китая в период глубокой трансформации

Отношения Евросоюза и КНР в 2020 году вступили в период серьёзной трансформации, связанный с накопленным эффектом от сразу нескольких многолетних тенденций. Изменение соотношения экономических, технологических потенциалов ЕС и КНР, недовольство Брюсселя политикой Китая в отношении отдельных членов Союза, политическая зависимость Европы от США создавали предпосылки для пересмотра отношений с Пекином.

Перед Китаем в течение последних лет стояла и продолжает стоять задача сохранения и закрепления достижений своей политики на европейском направлении за последние сорок лет. Отношения с ЕС являлись на протяжении этого времени одним из главных внешних факторов экономического роста и технологической модернизации КНР.

С 1990-х годов ЕС соперничал с США за первое место по объёмам торговли с Китаем, а в последние пятнадцать лет непрерывно является крупнейшим внешнеторговым партнёром КНР и главным источником китайского

импорта. По состоянию на 2019 год европейские инвестиции в КНР превышали 130 миллиардов долларов, а китайские в Европе – 100 миллиардов¹.

Инвестиционное сотрудничество с Европой на протяжении длительного времени являлось для Китая важнейшим каналом получения технологий, в том числе двойного назначения, управленческого опыта и капитала. Если на начальном этапе главную роль в этом процессе играл импорт европейского капитала в Китай, то уже со второй половины 2000-х годов – приобретение китайцами европейских компаний и брендов.

Торговля Европы и Китая отличается гигантскими масштабами: 560 миллиардов евро за 2019 год и 419 миллиардов евро за первые три квартала 2020 года. Эта торговля также отличается хронической сильной несбалансированностью в сторону КНР.

В экономических отношениях КНР и ЕС в смягчённом виде присутствует тот же набор проблем, что и в китайско-американских отношениях. Прежде всего, это несбалансированность торговли – отрицательное сальдо Европы в торговле с Китаем составляло в 2019 году 163 миллиарда евро. Европа опасается экспансии китайских государственных корпораций – «национальных чемпионов», озабочена систематическими нарушениями прав интеллектуальной собственности и критикует китайские хищнические торговые практики.

В 2017 году Еврокомиссия опубликовала доклад² о торговых нарушениях со стороны КНР, определяющий Китай как нерыночную экономику, злоупотребляющую правилами свободной торговли. В нём детализируются европейские претензии к китайской промышленной и торговой политике, с такими её особенностями, как массивное субсидирование высокотехнологичных отраслей и демпинг. Китайские программы развития инновационных отраслей экономики (например, «Сделано в Китае – 2025») вызывают в ЕС немногим меньшую обеспокоенность, чем в США. Проблемы отношений Китая и Европы обсуждаются на ежегодных саммитах Китая и ЕС, проводимых с 1998 года.

Таким образом, стороны достигли весьма высокого уровня экономической взаимозависимости, вполне сопоставимого с уровнем взаимозависимости КНР и США. При этом по сравнению с США Европа является для КНР

¹ <http://www.chinamission.be/chn/gdxw/P020190620841102008924.pdf>

² https://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2017/december/tradoc_156474.pdf

более комфортным партнёром, находящимся в гораздо более слабой позиции в переговорах с Пекином. В Европе Китай имеет дело одновременно и с органами Союза в Брюсселе, и с национальными правительствами, проводя тщательно дифференцированную политику и умело сочетая отношения с Евросоюзом и диалог с национальными правительствами.

Частым обвинением в адрес КНР является стремление к подрыву европейского единства по внешнеполитическим и внешнеэкономическим вопросам. В Европе Китай пытается сформировать группу привилегированных партнёров. Такую роль в ЕС на протяжении последних лет играют Греция и Венгрия, до определённой степени – Италия. Кроме того, центральные и восточноевропейские страны ЕС входят в инициативу «17+1», в рамках которой Китай развивает сотрудничество со странами региона без оглядки на Брюссель.

Инициатива «17+1» (до присоединения к ней Греции в 2019 году – «16+1») долгое время была предметом обеспокоенности в западноевропейских столицах, подозревавших Китай в попытке подорвать единство ЕС, чтобы затем вести дела с Европой с позиций силы. Однако реальные итоги существования этого механизма, созданного в 2012 году, остаются скромными.

За исключением «опорных» государств – Венгрии и Сербии – доля КНР в притоке прямых иностранных инвестиций в страны, присоединившиеся к инициативе, не превышает 2 процентов от общего объёма китайских инвестиций в регионе³. Страны Центральной и Восточной Европы не обладают достаточным количеством потенциально интересных китайцам активов и проектов и в то же время должны требовать от китайских инвесторов соблюдения правил и норм ЕС.

Вместе с тем даже при небольших экономических результатах «17+1» имеет важное значение для его восточноевропейских участников, поскольку, по их признанию, существенно усиливает их переговорные позиции в диалоге с Брюсселем.

Среди развитых государств – членов ЕС примером успешного китайского дипломатического наступления до последнего времени можно было считать Италию, ставшую в марте 2019 года первой страной G7, официально присоединившейся к инициативе «Пояс и путь».

³ <https://www.news18.com/news/opinion/the-171-initiative-is-china-losing-its-charm-in-central-and-eastern-europe-2891095.html>

Китайская стратегия развития привилегированных двусторонних связей с отдельными членами ЕС и использования институциональных слабостей Союза приносит очевидные внешнеполитические результаты. В 2016 году Греция и Венгрия добились определённого смягчения заявления ЕС по вопросу о китайских притязаниях в Южно-Китайском море. В последующем этим странами удавалось в отдельных случаях предотвращать принятие ЕС заявлений, касающихся прав человека в Китае⁴.

Разумеется, такие проявления китайского влияния, а также растущая китайская экономическая экспансия (в частности, проекты шоссе «Белград – Будапешт»; приобретение китайской компанией *COSCO* 51 процента пакета акций греческого порта Пирей; продолжающаяся покупка китайцами европейских брендов и технологических активов) вызывали в последние годы сильнейшую обеспокоенность со стороны группы ведущих членов ЕС во главе с Германией и Францией, а также со стороны Еврокомиссии.

Призывы обеспечить единство в отношениях с КНР неоднократно высказывались французским президентом Эммануэлем Макроном⁵, канцлером Германии Ангелой Меркель⁶, верховным представителем ЕС по внешней политике и политике безопасности Жозепом Боррелем⁷ и другими видными европейскими политиками. Растёт число исследований и публицистических статей, демонстрирующих угрожающие масштабы и опасность китайского влияния.

В Европе значительная часть политического класса ЕС видит прямую угрозу в китайском политическом и экономическом влиянии и готова предпринимать серьёзные усилия, чтобы снять эту угрозу, даже ценой экономического ущерба.

С 2019 года у ЕС в этом направлении наметились явные достижения. Союз сумел принять новую общеевропейскую стратегию на китайском направлении, делавшую акцент на тщательной политической координации между европейскими странами и на необходимости защиты интересов и ценностей ЕС в диалоге с Пекином.

Преимущественно на Китай были направлены и приняты в 2019 году меры по контролю иностранных инвестиций в Евросоюз. Новые единые

⁴ <https://www.gppi.net/2018/03/15/europe-dont-let-china-divide-and-conquer>

⁵ <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Macron-warns-against-China-s-overtures-to-EU>

⁶ <https://www.reuters.com/article/eu-germany-merkel-china-idUSS8N2DF01L>

⁷ <https://chinaobservers.eu/power-from-within-the-benchmark-of-the-eus-unity-on-china/>

правила проверки инвестиций из стран, не входящих в Евросоюз, прямо не выделяют Китай, но предполагают особое внимание к инвестициям со стороны государственных компаний, доминирующих во многих секторах китайской экономики. Традиционные партнёры КНР в Европе не смогли или не захотели помешать этим решениям.

Наконец, летом-осенью 2020 года Боррель сформулировал своё видение новой европейской доктрины в отношении КНР в условиях китайско-американского противоборства, получившей название «Доктрина Синатры» («Я это делал на свой лад» / англ. “I Did It My Way”). В выступлениях Борреля Китай определялся как агрессивное, ревизионистское государство, пересматривающее статус-кво в международной политике, постепенно накапливающее преимущества и ставящее в один момент своих партнёров перед свершившимся фактом⁸.

Несмотря на то, что признаётся необходимость сохранения сотрудничества с Китаем и независимой от США европейской политики на китайском направлении, становится очевидным, что европейская позиция в контексте американо-китайской холодной войны не будет нейтральной.

Поле борьбы между Китаем и США стал европейский рынок высокотехнологичной продукции. Страны ЕС вынуждены формулировать собственные подходы к сотрудничеству с Китаем в сфере технологий 5G под сильнейшим внешним давлением. Китайская политика направлена на максимальное задействование имеющихся механизмов влияния на европейскую политику с целью сохранения основы сотрудничества, прежде всего – в промышленной и технологической сферах, несмотря на негативные тенденции в политике.

Пока можно отметить серию успехов и неудач в отдельных европейских странах, которые ещё не складываются в единую картину. Германия в декабре 2020 года, находясь под сильнейшим американским давлением, приняла решение, позволяющее допустить китайскую компанию *Huawei* к строительству в стране телекоммуникационных сетей 5G, правда, с рядом дополнительных условий⁹. Франция нацелена на то, чтобы исключить оборудование *Huawei* из инфраструктуры мобильных сетей к 2028 году¹⁰. Италия

⁸ <https://www.institutmontaigne.org/en/blog/sinatra-doctrine-building-united-european-front>

⁹ <https://www.wsj.com/articles/huawei-gets-conditional-green-light-in-germany-as-government-approves-security-bill-11608117504>

¹⁰ <https://www.reuters.com/article/us-france-huawei-5g-security-exclusive/exclusive-french-limits-on-huawei-5g-equipment-amount-to-de-facto-ban-by-2028-sources-idUSKCN24N26R>

намерена оставить за *Huawei* небольшую долю в своих сетях 5G¹¹. Она сохраняет одну из центральных ролей в китайской стратегии в Европе, однако в своей политике КНР приходится учитывать итальянскую внутривнутриполитическую турбулентность и расхождения во взглядах политических партий на отношения с США и КНР¹².

Борьба за сохранение присутствия на европейских рынках и доступа к европейским технологиям лежит в основе китайской политики в отношении к Европе. Это направление приобретает важнейшее значение для Пекина в условиях конфликта с США. ЕС теоретически мог бы извлечь немалые выгоды из своего нынешнего уникального положения, но, как представляется, не может сделать этого из-за слабости, неповоротливости и разобщённости своей внешней политики, уязвимой для вмешательства со стороны США.

Важнейшим сюжетом, связанным с этой борьбой в 2020 году, были переговоры по Всеобъемлющему соглашению об инвестициях между ЕС и КНР, которое заменило бы сеть двусторонних инвестиционных соглашений, имеющих у Китая с 25 членами Союза.

Целью Китая было, очевидно, скорейшее заключение соглашения, желательно до конца 2020 года. Соглашение позволило бы переломить наметившуюся тенденцию к дискриминации китайских инвесторов на европейском рынке по политическим мотивам (в частности, под предлогом угроз национальной безопасности).

Ослабление американо-европейского взаимодействия во время президентства Дональда Трампа давало для этого благоприятные возможности. Стремление китайцев подписать документ до вступления в должность Джозефа Байдена и стабилизации работы американского дипломатического аппарата выглядит вполне обоснованно.

К концу года документ был в целом согласован, и для обеспечения его скорейшего подписания китайцы задействовали тяжёлую артиллерию, включая лично председателя КНР Си Цзиньпина, который обсудил этот вопрос

¹¹ <https://www.reuters.com/article/telecom-italia-5g/telecom-italia-to-retain-nokia-as-supplier-curbing-huaweis-share-of-5g-radio-network-sources-idUSL8N2J22KR>

¹² <https://thediplotat.com/2020/12/italys-china-card-in-eu-us-relations/>

в ходе видеоконференции с Макроном¹³, не говоря уж о премьер-министре Госсовета КНР Ли Кэцзяне¹⁴ и министре иностранных дел Ван И¹⁵. Из китайских официальных сообщений видно, что данный вопрос в течение второй половины декабря занимал немалую часть времени китайских руководителей.

Тем не менее даже ограниченных шагов, предпринятых внешнеполитической командой избранного президента Байдена, оказалось достаточно, чтобы создать серьёзные препятствия для подписания, казалось бы, готового соглашения. Подписание документа сначала было задержано Польшей, которая нашла поддержку в Европейском парламенте, а затем – и рядом других членов Евросоюза (Нидерланды, Люксембург). К 24 декабря о готовности заблокировать документ заявила и Франция¹⁶.

К самому концу года Германии всё же удалось преодолеть противодействие внутренних и внешних противников соглашения, и оно было подписано. Но сама история его подписания показывала, что китайская политика в Европе сталкивается со знакомым России набором проблем, несмотря на то, что Китай, казалось бы, должен находиться в намного более благоприятном положении в силу больших объёмов экономики и отсутствия исторических проблем в отношениях со странами Союза.

Китай, очевидно, будет вынужден учитывать слабость и нестабильность европейской политики, наличие в составе ЕС ряда «стран-спойлеров», отстаивающих приоритетность отношений с США даже в ущерб собственным экономическим интересам, огромный накопленный потенциал американского влияния в европейских политических, разведывательных и военных структурах.

Процесс постепенного «антикитайского» сдвига в позициях ЕС по международным вопросам, затрагивающим КНР (ситуация в Южно-Китайском море, права человека в Синьцзяне и другие), начался ещё в начале 2010-х годов, задолго до перехода американо-китайских противоречий в острую фазу.

¹³ https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1839386.shtml

¹⁴ <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3115186/china-premier-li-keqiang-scrambles-shore-support-investment>

¹⁵ https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1842143.shtml

¹⁶ <https://www.express.co.uk/news/world/1376328/EU-China-deal-france-uighur-muslims-eu-china-beijing-xianjing-franck-riester-europe-ont>

Во многом он был связан со стремлением европейских стран подчеркнуть свою роль в мировой политике в условиях, когда её центр стал всё более смещаться в Азиатско-Тихоокеанский регион. Одним из объяснений активизации этого процесса, которое можно было услышать в то время от европейских экспертов и дипломатов, была «необходимость положить что-то на стол при разговоре с США».

На раннем этапе во главе европейской активизации в регионе стояли Великобритания и Франция как единственные страны, обладавшие возможностями проецирования силы и хотя бы ограниченным военным присутствием здесь.

Начался процесс постепенного налаживания военных связей со странами региона, включая Японию и государства ЮВА. Ближе к середине десятилетия активизировалась и позиция ЕС по проблематике свободы судоходства в Южно-Китайском море. Ряд стран ЕС высказались в поддержку исполнения КНР решения трибунала ООН 2016 года по иску Филиппин, который признал незаконными претензии КНР, касавшиеся границ её исключительной экономической зоны в Южно-Китайском море. После выхода Великобритании из ЕС лидирующую роль в политике союза на Тихом океане продолжала играть Франция, к которой присоединилась Германия. К настоящему времени обе страны опубликовали собственные Индо-Тихоокеанские стратегии.

При этом Франция постепенно наращивает военное присутствие и активность на собственных тихоокеанских территориях, а Германия намерена отправить свой первый военный корабль в регион в 2021 году.

Относительный регресс Европы отражается в падении европейской военной и особенно военно-морской мощи; даже ВМС Франции по многим боевым возможностям уступают ВМС Южной Кореи и не идут ни в какое сравнение с ВМС Народно-освободительной армии Китая или с ВМС Японии. Европа не способна значимым образом повлиять на военный баланс сил на Тихом океане, однако её политическая позиция высоко оценивается оппонентами КНР во главе с США и вызывает раздражение в Пекине.

Китай даёт знать о своём недовольстве: совместные российско-китайские военно-морские учения на Балтике в 2017 году были вероятным ответом на активизацию французского и британского флотов в западной части Тихого океана в предыдущие годы.

В перспективе военно-политические аспекты будут играть, по всей видимости, глубоко второстепенную, но при этом негативную роль в китайско-европейских отношениях. С европейской стороны заметно растущее внимание к российско-китайскому сотрудничеству в военной сфере, поскольку именно российский фактор напрямую влияет на военную ситуацию одновременно и в Европе, и в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Коронавирусный кризис, с одной стороны, подчеркнул традиционные сильные стороны китайской дипломатии в Европе, с другой – обострил давно назревавшие проблемы. Китай как единственная крупная экономика с положительными темпами роста в 2020 году становится ещё более важным экономическим партнёром ЕС, чем прежде. Растёт и заинтересованность в китайских инвестициях. Опираясь на свои значительные производственные возможности, Китай весной и летом 2020 года реализовал масштабную «масочную дипломатию», поставляя в Европу и на безвозмездной, и на коммерческой основе крупные партии медицинских материалов, оказывая своим привилегированным партнёрам, например, Италии, значительную помощь в борьбе с вирусом.

В то же время навязчивая китайская пропаганда собственных достижений в борьбе с пандемией вызвала неприятие в ряде европейских стран и привела в апреле 2020 года к дипломатическому скандалу с Францией¹⁷. Ряд европейских правительств присоединились к обвинениям в адрес КНР в фальсификации статистики и введении мира в заблуждение по вопросам о развитии пандемии на китайской территории. Социологические исследования выявили существенное ухудшение отношения к Китаю в европейских странах по состоянию на сентябрь – октябрь 2020 года по сравнению с «доковидными» временами. Негативное отношение к КНР доминировало в странах Западной и Северной Европы. Во Франции и Германии доля респондентов, заявивших о негативном отношении, к Китаю достигала 65 процентов, большинство населения отметило ухудшение восприятия КНР с началом эпидемии. В то же время заметно лучшим отношение к Китаю было среди населения Восточной Европы¹⁸.

Негативные изменения в отношении населения к Китаю, напоминающие по размаху аналогичный процесс в США в 2016–2018 годах, создают предпосылки для развёртывания избирательных кампаний под антикитайскими лозунгами и снижения поддержки мерам либерализации

¹⁷ <https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-france-china-idUSKCN21W2TC>

¹⁸ https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/european_public_opinion_on_china_in_the_age_of_covid-19.pdf

торгово-экономического сотрудничества. Таким образом, закладывается база для долгосрочного ухудшения отношений. Более последовательная, целеустремлённая и стабильная политика США на европейском направлении может лишь ускорить эти нежелательные для КНР процессы, противостоять которым, опираясь исключительно на экономические рычаги, будет сложно.

Алексей Куприянов,
Ниведита Капур

Европа и Индия: от «брака по договорённости без любви» к неопределённому будущему

Предыстория

Отношения Европы и Индии претерпели значительные изменения в период от британского колониального наследия Индии, определяющего её связи с Европой в период до 1947 года, и до сегодняшнего взаимодействия с наднациональным Европейским союзом. Колониальная история, которая привела к установлению глубоких экономических связей с Британской империей, трансформировалась, поскольку ставшая независимой страна обратилась к другим партнёрам в поисках путей восстановления своей слабой экономики. Последующие годы холодной войны характеризовались более тесными отношениями с Советским Союзом. Присутствие европейских стран (кроме Великобритании) на индийских рынках было относительно небольшим по сравнению с СССР, США

и Японией, и наоборот. Кроме того, Европа в целом не действовала как отдельный субъект в регионе Индийского океана во время холодной войны, хотя британские и французские корабли и контингенты там присутствовали – в связи с тем, что Великобритания и Франция имели там свои базы и владения. Отношения между Европой и Индией развивались очень медленно и не имели стимулов развиваться быстрее.

Однако это не помешало Нью-Дели установить дипломатические отношения с Европейским экономическим сообществом ещё в 1962 году и развивать с ним торгово-экономические связи. Ситуация изменилась после геополитических изменений 1991 года, когда закончилась холодная война и экономика Индии открылась для инвестиций.

В 1994 году стороны подписали соглашение о сотрудничестве, что привело к расширению связей, которые включили в себя, помимо торгово-экономического взаимодействия, политические диалоги и ежегодные встречи на уровне министров¹⁹. Европа стала рассматриваться как один из перспективных торгово-финансовых партнёров, и интерес Индии к ней резко возрос.

На протяжении многих лет усилия Индии были сосредоточены на укреплении торговых и инвестиционных связей и повышении её «стратегической автономии» на основе «суверенного равенства»²⁰. Первый саммит Индия – ЕС был проведён в 2000 году. В 2004 году статус отношений был повышен до стратегического партнёрства. За этим последовало подписание в следующем году совместного плана действий, который был пересмотрен и обновлён в 2008 году. С 2000 года было проведено 12 ежегодных саммитов, но в 2012 году из-за ареста в Индии двух итальянских морских пехотинцев за убийство двух рыбаков у побережья Индии взаимодействие в этом формате было приостановлено.

Протест Италии был удовлетворён только в 2016 году, когда Индия решила согласиться на международный арбитраж по данному вопросу, что подготовило почву для визита премьер-министра Нарендры Моди в Брюссель на 13-й саммит Индия – ЕС. Однако сторонам не удалось заключить Торговое и инвестиционное соглашение на широкой основе (*BTIA*).

¹⁹ https://mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/India_EU_Relation2020.pdf

²⁰ http://www.asianperceptions.fu-berlin.de/system/files/private/wp1014-india-eu-strategic-partnership_0.pdf

После 14-го саммита в 2017 году снова был большой перерыв до проведения 15-го саммита, который на фоне пандемии коронавируса в итоге состоялся в режиме видеоконференции в июле 2020 года.

Аналитики утверждают, что в последние годы наблюдается всплеск взаимодействия с «большим количеством контактов и содержания»²¹ и что двусторонние отношения «переживают возрождение»²² после трудного периода 2012–2016 годов. В 2018 году была опубликована стратегия ЕС в отношении Индии. После чего состоялся саммит 2020 года, где была принята дорожная карта стратегического партнёрства до 2025 года.

Саммит 2020 года

Год начался с того, что верховный представитель ЕС по иностранным делам Жозеп Боррель произнёс «первую крупную политическую речь»²³ в Нью-Дели в январе 2020-го, после чего последовал визит министра иностранных дел Индии Субраманиама Джайшанкара в Брюссель в рамках подготовки к предстоящему саммиту. В связи с пандемией коронавируса саммит решили проводить в режиме видеоконференции. Заключение *ВТИА* оставалось туманным, и временные рамки²⁴ для него установлены не были. Однако виртуальный саммит привёл к созданию диалога на уровне министров, что помогло выйти из тупика и продвигнуться в переговорах по данному вопросу.

В тупик переговоры зашли ещё в 2013 году, а на саммите 2017 года были отмечены «продолжающиеся усилия обеих сторон по активному возобновлению участия в своевременном возобновлении переговоров»²⁵ по *ВТИА*. Разногласия по таким вопросам, как тарифы

²¹ http://www.asianperceptions.fu-berlin.de/system/files/private/wp1014-india-eu-strategic-partnership_0.pdf

²² <https://www.orfonline.org/expert-speak/india-and-major-powers-the-european-union-54234/>

²³ <https://www.orfonline.org/expert-speak/india-eu-summit-2020-partners-for-a-21st-century-rules-based-order/>

²⁴ <https://www.hindustantimes.com/india-news/at-india-eu-summit-trade-deal-remains-elusive/story-SKQruUnonqupd8O91vc8QJ.html>

²⁵ <https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/29011/India%20and%20EU%20Joint%20Statement%20during%20the%20IndiaEU%20Summit%20New%20Delhi%20October%2010%202017>

на некоторые виды импорта из ЕС, а также либерализация визового режима для квалифицированных индийских работников, затруднили переговоры. Обе стороны разошлись и по другим вопросам, включая экспортные стандарты сельскохозяйственной продукции и статус Индии как страны, надёжно защищающей информацию и права интеллектуальной собственности²⁶.

Совместное заявление после 15-го саммита в 2020 году включило в себя важные декларации о переводе диалога по технологиям, в том числе 5G и искусственному интеллекту, на новый уровень, о продвижении подхода к сопряжению, основанному на правилах, о начале диалога по безопасности на море и необходимости сохранения стабильности в Индийском океане.

По сравнению с Программой действий ЕС – Индия на 2020 год, принятой на 13-м саммите в 2016 году, дорожная карта 15-го саммита – до 2025 года – содержит весьма полезные дополнения: например, цели налаживания диалога по безопасности на море, который заменит диалог по борьбе с пиратством, пункты об укреплении отношений и обменах между военными и углублении сотрудничества между ВМС Индии и ВМС Европейского союза (*EUNAVFOR*) *ATALANTA* в сфере борьбы с пиратством.

Кроме того, в этой дорожной карте говорится о сотрудничестве в области сопряжения с третьими странами, в том числе в Индо-Тихоокеанском регионе, о создании рабочей группы по сотрудничеству в освоении космоса, искусственного интеллекта, об управлении океанскими ресурсами и сотрудничестве в целях поддержания мира, стабильности, безопасности и защищённости, особенно в Индийском и Тихом океане²⁷.

Ещё одним долгожданным событием стало подписание летом 2020 года Соглашения между Индией и Европейским сообществом по атомной энергии о сотрудничестве в области исследований и разработок в области использования ядерной энергии в мирных целях. ЕС впервые заключил такое соглашение со страной, не являющейся участницей ДНЯО²⁸.

²⁶ https://www.ecfr.eu/page/-/ECFR145_WDIT.pdf

²⁷ https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/32828/IndiaEU_Strategic_Partnership_A_Roadmap_to_2025

²⁸ https://www.icwa.in/show_content.php?lang=1&level=1&ls_id=5263&lid=3712#_ednref3

Траектория отношений между Индией и Европой до 2020 года

Отношения между Индией и Европой развивались по двум разным векторам. Один был связан с её взаимодействием с ЕС, а другой – с её двусторонним взаимодействием с государствами – членами ЕС, среди которых ведущими партнёрами были Франция, Германия и Великобритания. Отношения между Индией и Европой основывались на подписанном в 2004 году Соглашении о стратегическом партнёрстве, в котором говорится, что партнёрство основано на общих ценностях в виде демократических принципов, верховенстве закона, соблюдения прав человека и стремлении к миру и стабильности. По условиям Соглашения, сотрудничество развивалось по четырём направлениям, включая многостороннее взаимодействие на международном уровне, экономические связи, развитие Индии и культурные и гуманитарные контакты, реализация которых была неоднозначной²⁹.

Следует отметить, что ЕС в целом является крупнейшим торговым партнёром Индии. Объём двусторонней торговли составил 115,6 миллиарда долларов США в 2018–2019 годах. Со своей стороны, Индия была девятым по величине торговым партнёром ЕС в 2018 году. В 2019 году она была десятым по величине торговым партнёром ЕС с долей в 1,9 процента его торговли. Для сравнения – на США, Китай и Великобританию приходилось 15,2 процента, 13,8 процента и 12,6 процента торговли ЕС соответственно³⁰. Согласно статистике правительства Индии, эта страна является «четвёртым по величине экспортёром услуг в ЕС и шестым по величине получателем услуг, экспортируемых из стран ЕС»³¹.

При совокупных иностранных инвестициях из ЕС в Индию в размере около 91 миллиарда долларов США ЕС – один из крупнейших источников прямых иностранных инвестиций для этой развивающейся страны³². Однако данная цифра значительно отстаёт от инвестиций

²⁹ <https://hal-sciencespo.archives-ouvertes.fr/hal-01065630/document>

³⁰ <https://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/countries/india/>

³¹ https://mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/India_EU_Relation2020.pdf

³² <https://www.mea.gov.in/media-briefings.htm?dtl/32835/Transcript+of+Virtual+Special+Media+Briefing+on+IndiaEU+Summit+by+Secretary+West+July+15+2020>

ЕС в такие страны, как Китай и Бразилия³³. В настоящее время 6000 европейских компаний с филиалами в Индии обеспечивают 1,7 миллиона рабочих мест напрямую сами и ещё 5 миллионов рабочих мест в смежных отраслях. Инвестиции Индии в ЕС с 2000 года превысили 50 миллиардов евро. ЕС также является важным партнёром в области технологий и инноваций.

ЕС претендует на роль независимого центра силы, и в этом отношении Европа рассматривается как перспективный торгово-экономический и политический партнёр в будущем, один из центров силы в полицентричном мире, с которым у Индии общие интересы и моральные ценности. Вдобавок к этому Индия рассматривает *Brexit* как хорошую возможность для себя: после того, как Великобритания выйдет из ЕС, Европейский союз, вероятно, снова проявит интерес к поиску новых торговых партнёров и укреплению связей с существующими.

Что касается безопасности, важными для улучшения координации считаются вопросы борьбы с пиратством в Индийском океане, информационной безопасности, незаконного оборота наркотиков и оружия, а также борьбы с терроризмом. Раздаются даже призывы к решению «общих вопросов безопасности» в таких областях, как «кризисное управление и проведение миротворческой деятельности»³⁴.

Развитие связей определяется в том числе совместными заявлениями, Совместным планом действий 2005 года и его обновлённой версией от 2008 года, Повесткой дня ЕС – Индии по Плану действий – 2020 и недавно разработанной дорожной картой на период до 2025 года. В этом отношении также важен стратегический документ ЕС для Индии за 2018 год.

В совместных заявлениях на протяжении многих лет отмечался исчерпывающий список областей для существующей и потенциальной координации между двумя сторонами, включая торговое сотрудничество, инвестиции, инфраструктуру, изменение климата, многостороннее взаимодействие, основанный на правилах международный порядок, защита мирового достояния, борьба с терроризмом, нераспространение ядерного оружия, безопасность в Индийском океане и за его пределами,

³³ <https://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/countries/india/>

³⁴ https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/jc_elements_for_an_eu_strategy_on_india_-_final_adopted.pdf

а также множество региональных и глобальных проблем. Однако эти планы не всегда воплощались в конкретные проекты, а отношениям не хватало глубины³⁵.

Учёные отмечают, что совместные планы действий носят более декларативный характер и обязывают обе стороны вести диалог, а не «принимать важные программные меры»³⁶. Считается, что они «лишены детальности и результатов»³⁷. Это увязывается с рядом факторов, включая расхождение приоритетов на внутреннем фронте для каждой стороны и лишь «частичное совпадение»³⁸ в выгодах, которые, по мнению обоих партнёров, они получают от отношений. Кроме того, их партнёрство омрачено расхождениями во взглядах на мир, «различными геополитическими условиями» и приоритетами³⁹. Эксперт по европейской политике в Индии Бернд фон Мюнхов-Поль называет это стратегическое партнёрство «браком по договорённости без любви»⁴⁰.

Перерывы в проведении ежегодных саммитов в последние годы, срыв переговоров по торговым соглашениям, медленные темпы развития связей и накопившиеся нерешённые проблемы означают, что Индии предстоит многое «наверстать»⁴¹ в её отношениях с Европой. Это было особенно очевидно после периода 2012–2016 годов, когда случай с итальянскими морскими пехотинцами привёл к срыву двусторонних встреч на высшем уровне и породил ощущение, что отношения между Индией и ЕС «не работают в должной мере»⁴².

С 2016 года были предприняты усилия по исправлению этой ситуации посредством нескольких визитов на высоком уровне. Также утверждалось, что принятый ЕС в 2018 году политический документ знаменует сдвиг в его политике в отношении Индии, поскольку признаёт важную геополитическую

³⁵ <https://www.orfonline.org/research/eu-india-relations-time-to-chart-a-new-course/>

³⁶ http://www.asianperceptions.fu-berlin.de/system/files/private/wp1014-india-eu-strategic-partnership_0.pdf

³⁷ <https://carnegieendowment.org/2012/05/10/india-and-europe-in-multipolar-world-pub-48038>

³⁸ <https://carnegieendowment.org/2012/05/10/india-and-europe-in-multipolar-world-pub-48038>

³⁹ http://www.asianperceptions.fu-berlin.de/system/files/private/wp1014-india-eu-strategic-partnership_0.pdf

⁴⁰ https://www.ecfr.eu/article/commentary_what_india_thinks_of_europe7167

⁴¹ <https://indianexpress.com/article/opinion/columns/narendra-modi-ram-nath-kovind-india-foreign-policy-asean-nations-5349432/>

⁴² <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/23-european-union-india-solana.pdf>

роль Индии в Азии⁴³ и утверждает, что прочное партнёрство с Индией является «ключевым» в проведении сбалансированной политики в отношении Азии в целом⁴⁴. Но пока это не привело к заметному прорыву в отношениях – отчасти из-за отсутствия чётко определённых приоритетов.

Оценка стратегического партнёрства

Как отмечалось выше, учёные обнаружили разницу в траектории развития связей Индии с ЕС и её двусторонних связей с такими ключевыми партнёрами, как Франция, Германия и Великобритания. В случае ЕС в первом десятилетии XXI века всё внимание было сосредоточено на экономическом партнёрстве, и оно составляло «ядро» отношений между Индией и ЕС. Но Союз редко определялся как «важный фактор в стратегических делах Индии»⁴⁵. Что касается стратегических и дипломатических целей, отношения остались застопорившимися⁴⁶. То же самое отмечалось в случае политики ЕС, направленной на Нью-Дели, в результате чего появились призывы к улучшению взаимодействия в политической сфере и в сфере безопасности, которые значительно отстают от торгово-экономических связей.

В этом плане камнем преткновения является Китай, что ещё раз подчеркнули недавние события на восточном фронте. Индия стремится управлять Китаем через свою партнёрскую сеть, но до недавнего времени ЕС не играл значительной роли в обеспечении безопасности в Восточной Азии. Индия давно выражает недовольство тем, что ЕС не разделяет её оценку в отношении угрозы со стороны Пакистана и Китая⁴⁷. Для ЕС, который географически далёк от этих событий, Китай остаётся ключевым торговым и инвестиционным партнёром.

Отсутствие «последовательной европейской стратегии в Азии»⁴⁸ и факт, что Индо-Тихоокеанский регион является «мёртвой зоной»⁴⁹ в политике

⁴³ https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/mohan_prospect_new_ue_2019.pdf

⁴⁴ https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/jc_elements_for_an_eu_strategy_on_india_-_final_adopted.pdf

⁴⁵ <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/002088170904500403>

⁴⁶ <https://hal-sciencespo.archives-ouvertes.fr/hal-01065630/document>

⁴⁷ <https://www.gatewayhouse.in/wp-content/uploads/2017/01/India-EU-defence-paper.pdf>

⁴⁸ https://www.ecfr.eu/page/-/ECFR145_WDIT.pdf

⁴⁹ https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/mohan_prospect_new_ue_2019.pdf

ЕС также вызывает неодобрение. Эксперты отмечают, что поскольку Индо-Тихоокеанский регион не является областью «основной компетенции»⁵⁰ Европы в целом, Союзу будет сложно представить всеобъемлющую политику по данному вопросу. С учётом того, что некоторые члены ЕС в настоящее время участвуют в инициативе «Пояс и путь» и что диалог «17+1» с Центральной и Восточной Европой был установлен, вопрос о том, сможет ли ЕС занять позицию по отношению к Китаю⁵¹, которая будет учитывать опасения Индии, остаётся неясным.

В 2019 году в стратегическом взгляде ЕС на Китай произошли некоторые изменения – было отмечено смещение «баланса вызовов и возможностей со стороны Китая» в результате его быстрого развития. Эта азиатская держава изображалась как «экономический конкурент» и «системный соперник, продвигающий альтернативные модели управления»⁵². В «Стратегическом обзоре» отношений Европейского союза и Китая отмечаются проблемы безопасности, поставленные перед ЕС в результате растущего военного потенциала Китая, и указывается на необходимость создания нового рамочного механизма для анализа прямых иностранных инвестиций и обеспечения безопасности сетей 5G. Будет интересно посмотреть, как это отразится на политических действиях на местах, но маловероятно, что ЕС открыто встанет на чью-либо сторону в новой холодной войне и сможет действовать в качестве противовеса китайскому влиянию в Индийском океане, хотя он уже частично играет эту роль благодаря своему экономическому присутствию в Восточной Африке.

Это вызвано тем, что, как говорят учёные, в отношении связанных с безопасностью вопросов ЕС как группа имеет «крайне ограниченные полномочия», а у государств-членов разные мнения о Китае. До недавнего времени сотрудничество индийского флота с операцией ЕС *ATALANTA*, направленной на противодействие пиратству в Аденском заливе, носило ограниченный характер. Это контрастирует с растущим двусторонним взаимодействием с военно-морскими силами Франции, Великобритании, Испании и Италии посредством совместных учений, в то время как взаимодействие на уровне ЕС в этом районе не отмечалось⁵³. Причина в том, что, когда дело

⁵⁰ <https://carnegieindia.org/2020/05/28/coronavirus-and-future-of-india-eu-relations-event-7339>

⁵¹ <https://carnegieindia.org/2020/05/28/coronavirus-and-future-of-india-eu-relations-event-7339>

⁵² <https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/communication-eu-china-a-strategic-outlook.pdf>

⁵³ <https://www.iss.europa.eu/content/eu-india-partnership-time-go-strategic>

доходит до выделения ресурсов на вопросы безопасности, страны ЕС хотят сохранить суверенитет⁵⁴.

Это привело к диверсифицированному сотрудничеству Индии в области обороны с её стратегическими партнёрами в регионе – Францией, Великобританией и Германией, которое включает совместные учения, закупку оружия и регулярные диалоги по вопросам безопасности. Индия предпочла развивать двусторонние связи в сфере безопасности с членами ЕС, которые имеют явные интересы в регионе Индийского океана (Франция и Германия). Это связано как с пониманием того, что ЕС в целом мало заинтересован в усилении своего военного присутствия в регионе (в связи с чем Индия не воспринимает его как серьёзного игрока в сфере безопасности), так и с общим разочарованием в чрезмерной бюрократизации ЕС и нежелании принимать Индию в качестве динамичного и равноправного партнёра. Показательны сетования представителей индийской элиты, приводимые французским учёным Франсуа Годманом, в которых вырисовывается представление о том, что «в высших сферах Европы нет никаких обязательств в отношении сотрудничества с Индией. Всё, что Индия получает, это жалобы на изменение климата и права человека»⁵⁵. Хотя США и присутствуют в качестве гаранта безопасности в Восточной Азии и, таким образом, являются важным партнёром Индии, неясно, как ЕС может помочь Индии справиться с её ключевыми вызовами безопасности⁵⁶, чтобы сделать это измерение действительно стратегическим.

Их многостороннее сотрудничество также остаётся ограниченным из-за расхождения в ценностях и целях, которые обе стороны стремятся достичь с помощью институтов. ЕС не хочет терять влияние, которое он приобрёл в этих институтах⁵⁷, в то время как такие развивающиеся державы, как Индия, хотят преобразований, отражающих изменения в международной системе после окончания холодной войны. Другие проблемы связаны с проведением административной реформы в Кашмире и поправками к закону о гражданстве. Эти действия подверглись критике в ЕС за нарушение прав человека, что не помешало группе европейских парламентариев правого толка посетить Кашмир.

⁵⁴ <https://carnegieindia.org/2020/05/28/coronavirus-and-future-of-india-eu-relations-event-7339>

⁵⁵ https://www.ecfr.eu/what_does_india_think

⁵⁶ http://www.asianperceptions.fu-berlin.de/system/files/private/wp1014-india-eu-strategic-partnership_0.pdf

⁵⁷ <https://carnegieendowment.org/2012/05/10/india-and-europe-in-multipolar-world-pub-48038>

Хотя официальное приглашение направить делегацию в Кашмир было отклонено Европейским парламентом в январе 2020 года, в феврале посол ЕС в Индии Уго Астуто и несколько других европейских посланников⁵⁸ вошли в состав делегации из 25 человек, посетившей Кашмир. Члены делегации призвали к восстановлению интернет-услуг и отметили продолжающееся задержание политических лидеров, призывая к отмене «ограничений» и выражая при этом «серьёзные опасения по поводу безопасности»⁵⁹. После визита представитель ЕС также отметил, что Индия «предприняла позитивные шаги для восстановления нормальной жизни»⁶⁰. Эта демонстрация приверженности ценностям среди политиков, наряду со стремлением к развитию бизнеса среди экономистов, вероятно, продолжится и в будущем.

Кроме того, ЕС разделён по одному из ключевых вопросов для Индии – реформе ООН. Если Германия, наряду с Индией, Японией и Бразилией, является частью *G4*, то Италия и Испания являются частью объединения за реформу ООН и эффективно блокируют предложения *G4*.

Эти проблемы выявили явный разрыв между амбициями и возможностями ЕС, когда дело доходит до решения вопросов первостепенной важности для Индии. Отсутствие внешней угрозы⁶¹ привело к развитию двустороннего взаимодействия Индии с отдельными государствами ЕС. Но индийская элита хотела бы более интенсивных торговых отношений (в частности, заключения соглашения о свободной торговле) и радикального изменения отношения к Индии со стороны европейских элит.

Культурные и гуманитарные связи остаются одним из самых слабых звеньев сотрудничества. После выхода Великобритании (где проживало 1,76 миллиона иммигрантов из Индии) из ЕС индийская диаспора в Европейском союзе значительно сократилась. Ослабли и без того не очень крепкие социальные связи. Сейчас индийская

⁵⁸ <https://www.mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/32389/Visit+of+Foreign+Heads+of+Mission+to+Jammu+and+Kashmir>

⁵⁹ <https://www.thehindu.com/news/national/other-states/eu-for-swift-end-to-all-curbs-in-kashmir/article30823016.ece>

⁶⁰ <https://www.livemint.com/news/india/eu-says-india-has-taken-steps-to-restore-normalcy-in-kashmir-calls-for-swift-withdrawal-of-remaining-curbs-11581690269568.html>

⁶¹ <https://carnegieindia.org/2020/05/28/coronavirus-and-future-of-india-eu-relations-event-7339>

диаспора в странах ЕС не достигает и миллиона человек (тройка лидеров: Италия – 203 052, Германия – 185 085, Франция – 109 000). Кроме того, несмотря на то, что большая часть индийской диаспоры сосредоточена в Великобритании, она не пользуется там значительным политическим влиянием – в отличие от Америки.

В 2012 году эксперты и политики отмечали, что население Европы и Индии проявляет мало интереса друг к другу. Индия в глазах европейцев – колоритное туристическое направление, населённое огромным количеством бедных людей и горсткой талантливых программистов. Для индийцев Европа – это место, где можно наслаждаться жизнью, если разбогатеть, где производятся качественные продукты и где Болливуд снимает множество фильмов. Большинство индийцев воспринимают Европу не как отдельного игрока, а скорее как географическую сумму нескольких наций. Большинство индийцев не знают и не интересуются Европой, тогда как Европа всё ещё воспринимает Индию через призму ориентализма в стиле XIX века, и, судя по результатам опросов в ряде стран, негативное отношение к Индии перевешивает позитивное.

Выводы

Несмотря ни на что, Индия и Европа продолжают постепенно развивать связи, рассматривая друг друга на официальном уровне как стратегических партнёров. В целом достижения в отношениях между Индией и ЕС были «скромными»⁶² и успехи последних лет оставляют желать лучшего.

Обеим сторонам необходимо наращивать связи не только в экономической сфере за счёт завершения работы над *ВТИА*, но и в области политики и безопасности. Они заинтересованы в стабильности в Центральной Азии, Западной Азии, Африке и Индийском океане⁶³. До сих пор чрезмерная забюрократизированность ЕС, его неспособность определиться и отсутствие общего понимания стратегической необходимости быстрого развития связей с Индией не позволяют сторонам развивать стратегическое партнёрство. Индии, в свою очередь, стоит прикладывать усилия

⁶² <https://carnegieendowment.org/2012/05/10/india-and-europe-in-multipolar-world-pub-48038>

⁶³ https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/jc_elements_for_an_eu_strategy_on_india_-_final_adopted.pdf

в работе с институтами ЕС и их процедурами, а не сбрасывать их со счетов⁶⁴. Следует признать, что добиться единства в группе из 27 стран будет сложно. И тем более проблематично⁶⁵ будет найти общий язык по глобальным вопросам – это касается и Индии, и ЕС.

Однако влияние всё более агрессивного Китая на выработку политики в Индии и Европе может создать синергию между обеими сторонами и подтолкнуть их к преодолению препятствий, сдерживающих отношения как в экономической, так и в стратегической областях. Для обеих сторон будет важно реализовать свои цели и задачи, изложенные в дорожной карте до 2025 года, с тем, чтобы укрепить своё стратегическое партнёрство в меняющемся мировом порядке и решить проблемы постпандемической международной системы.

Дмитрий Разумовский,
Бруно Мариотто Жубран

Европа: взгляд из Бразилии

Латиноамериканские страсти сегодня пронизывают не только внутривластную повестку в Бразилии, но и оказывают влияние на отношения «тропического гиганта» с миром, в том числе с европейским континентом. За последние десятилетия диалог партнёров по разные стороны Атлантики прошёл стадии от близкого стратегического партнёрства до взаимных обид и отдаления.

Отношения Бразилии с Европой во многом определяются особой, не похожей на другие латиноамериканские государства историей обретения независимости. В начале XIX века будучи провозглашённой частью Объединённого королевства Португалии, Бразилии и Альгарвы, по сути

⁶⁴ http://www.asianperceptions.fu-berlin.de/system/files/private/wp1014-india-eu-strategic-partnership_0.pdf

⁶⁵ https://www.ecfr.eu/page/-/ECFR145_WDIT.pdf

равной самой метрополии – Португалии, страна избежала вооружённой борьбы за независимость. После смены формы правления и начала экономического подъёма Бразилия стала заявлять свои права на региональное доминирование, что ярче всего проявилось во внешнеполитической доктрине конца XIX века, появившейся благодаря «отцу бразильской дипломатии» барону де Рио-Бранко. Идея самостоятельности внешней политики и независимости от традиционных центров (включая Европу) может считаться традиционной для крупнейшей и экономически наиболее развитой латиноамериканской страны. Она проявлялась во время правления многих великих лидеров XX и XXI веков, но ярче всего – при президенте Жетулиу Варгасе⁶⁶.

Основной импульс развитию отношений Бразилии и Европы был дан в 80-х годах XX века, когда набравшее силу Европейское экономическое сообщество определило латиноамериканский регион в качестве одного из приоритетных внерегиональных партнёров. Свою позитивную роль сыграло и усиление Испании и Португалии после их вступления в ЕЭС в 1986 году⁶⁷. Для развития отношений с близкими им культурно и социально бывшими колониями иберийские страны стремились сформировать иберо-американское сообщество для продвижения политического и экономического партнёрства. Начавшиеся в конце 80-х годов в ряде латиноамериканских стран, включая Бразилию, неолиберальные реформы и масштабная приватизация заставляют испанский бизнес осуществлять активную экспансию в регион, осваивать перспективные рынки.

Бразилия, крупнейшая страна региона, стала особенно интересна европейцам после окончания периода правления военных в 1985 году, когда она вернулась на траекторию демократического развития. В тот год начали свой отсчёт официальные отношения ЕЭС с Бразилией, в Бразилию было открыто представительство европейского объединения. Позже подписано первое рамочное соглашение о сотрудничестве, начался процесс регулярных консультаций.

Если раньше бразильское руководство воспринимало Европу скорее как источник инвестиций, технологий, а также перспективный рынок для сельскохозяйственного экспорта, то настоящий расцвет

⁶⁶ Мартынов Б.Ф. Бразилия в формате БРИКС // Свободная мысль. 2012. № 11–12. С. 19–28.

⁶⁷ Чернышова Н.В. Отношения Бразилии со странами ЕС // Человек. Общество. Управление. 2006. № 1. С. 138–146.

отношений произошёл в период президентства Фернанду Энрики Кардозу в 1995–2002 годах. Европа стала ключевым союзником Бразилии, хотя страна и оставалась своего рода младшим партнёром. Тематика сотрудничества расширилась, в неё были включены важнейшие для европейцев проблемы прав человека, охраны окружающей среды, социального неравенства, борьбы с преступностью. Пожалуй, этот период стал высшей точкой в отношениях двух сторон, европейские лидеры объявили Бразилию главным партнёром в Латинской Америке, а авторитет бразильского президента в Старом Свете был беспрецедентно высок⁶⁸. Европа стала основным инвестором в экономику Бразилии⁶⁹, опережающими темпами рос товарооборот⁷⁰.

В 2000-е годы отмечался рост всех развивающихся экономик, включая Бразилию, что заставило их пересматривать своё положение в мире и дало им основания разговаривать со странами Запада на равных. В период «левого поворота» новые бразильские лидеры Луис Инасиу Лула да Силва (2003–2011) и Дилма Русеф (2011–2016) изменили внешнеполитические приоритеты страны. Вместо ориентации на Европу ключевыми направлениями внешней политики стали сотрудничество «Юг – Юг» и закрепление бразильского лидерства в развивающемся мире. Бразилия балансировала между традиционным доминированием США и влиянием Европейского союза посредством заключения альтернативных стратегических и тактических союзов с развивающимся миром. Квинтэссенцией этого курса стали вступление Бразилии в БРИКС и начало тесного политического и экономического союза с Китаем, постепенно вытеснившего сначала США, а позже и ЕС с места ключевого торгового партнёра.

Тем временем возвышение Бразилии, потенциал её огромного внутреннего рынка сделали «тропического гиганта» желанным партнёром для европейцев. Бразилию наделили статусом «стратегического партнёра» в 2007 году, было подписано соглашение о преференциальной торговле. Отдельные европейские страны стремились воспользоваться открывающимися возможностями сотрудничества. Франция в период правления Николя Саркози сделалась стратегическим партнёром Бразилии в сфере военно-промышленного комплекса, несмотря на идеологические различия между правительствами.

⁶⁸ O Estado de São Paulo. 2000. 06 junho.

⁶⁹ CEPAL. La Inversión Extranjera 2004. Santiago de Chile, 2005. P. 74.

⁷⁰ Рассчитано автором по данным UN Comtrade.

Стремясь разговаривать с Европой на равных, Бразилия требовала признания своих объективных экономических интересов в рамках сложного переговорного процесса между МЕРКОСУР и ЕС, стартовавшего ещё в 1995 году. Из-за жёстких подходов обеих сторон переговоры проходили в сложной обстановке, неоднократно прерывались в связи с нежеланием европейских стран обсуждать проблему сельскохозяйственных субсидий⁷¹. Бразилия начала воспринимать свои противоречия не только с ЕС, но и с другими развитыми странами (США, Япония) как глобальное ущемление прав развивающихся стран, вынося эти проблемы на уровень ВТО. Не желая больше играть роль младшего партнёра, бразильские лидеры нашли новую трибуну для продвижения своих глобальных амбиций – «Большую двадцатку», претендуя на роль неформального лидера, объединяющего страны Глобального Юга.

Масштабный экономический, а позже и политический кризис, поразивший «тропического гиганта» после 2015 года, ознаменовал очередную новую эпоху в отношениях с ЕС. В одном из своих выступлений первый министр иностранных дел в период президентства Мишела Темера (2016–2018) Хосе Серра провозгласил возврат к традиционной внешней политике Бразилии, основанной на ориентации на Запад и «либеральном реализме» между ценностями и интересами⁷². По сути, это была попытка частичного возврата к той системе отношений, которая существовала при Фернанду Энрики Кардозу. При этом новое правое правительство не могло полностью отказаться от унаследованных ими от левых прежних подходов «реализма» во внешней политике. БРИКС успел превратиться в важнейший инструмент реализации национальных интересов, а Китай, несмотря на идеологические различия, стал сопоставимым с Европой по значению торговым и инвестиционным партнёром.

Радикальный, драматический поворот в отношениях произошёл после прихода к власти в 2019 году праворадикального политика Жаира Болсонару, не скрывавшего ещё в ходе своей предвыборной кампании, что основным партнёром для его команды станет не просто США, а конкретно администрация Дональда Трампа. Ценность Европейского союза (ослабевшего после *Brexit*, утопающего во внутренних противоречиях, демонстрирующего очевидные огрехи в своей внешней политике – например,

⁷¹ Мартынов Б.Ф. Бразилия на мировой арене // Свободная мысль. 2014. № 1. С. 19–34.

⁷² Gratius S. Brazil and the European Union: from liberal inter-regionalism to realist bilateralism // Revista Brasileira de Política Internacional. 2018. № 61 (1). P. 5.

в ситуации с венесуэльским кризисом) как партнёра девальвировалась в глазах весьма жёсткого и резкого Болсонару, ценящего прежде всего силу. Известного своим консерватизмом Болсонару крайне раздражает и либеральная европейская политика в отношении семейных ценностей и прав сексуальных меньшинств.

Европа интересует Болсонару не в ценностном смысле, как его предшественников Фернанду Энрики Кардозу и Мишела Темера, а скорее в узко прагматичном – как источник инвестиций и технологий, а также как перспективный рынок в случае подписания соглашения между МЕРКОСУР и ЕС. В ходе своей избирательной кампании Болсонару приветствовал эту сделку, угрожая партнёрам по МЕРКОСУР в случае отсутствия прогресса выйти из таможенного союза и заключить договор с европейцами отдельно. Соглашение было в итоге подписано в июне 2019 года, правда, это было скорее достижение не вновь избранного правительства, а его предшественников в период президентства Темера.

Но прорыв в торговой сделке вовсе не означал наступления эпохи сближения двух регионов – скорее наоборот. Европейская сторона в период предвыборной кампании пристально следила за заявлениями праворадикального кандидата относительно перспектив выхода Бразилии из Парижского соглашения по климату. Европейские эксперты не строили иллюзий, что с новым лидером удастся наладить конструктивный диалог. Уже в декабре 2018 года наметилась будущая ось противостояния между Эммануэлем Макроном и Жаиром Болсонару, после того как французский лидер пообещал не ратифицировать торговую сделку в случае выхода Бразилии из климатического соглашения⁷³.

В дальнейшем противоречия между бразильским руководством и европейцами (как с ЕС, так и с отдельными государствами) только нарастали. Пожары в Амазонии летом 2019 года стали причиной громкого дипломатического скандала между Бразилией и Францией. Макрон, предлагая механизмы международного контроля и помощи в восстановлении лесов, ненароком затронул самый болезненный вопрос для бразильских военных: он покусился на суверенитет Бразилии над Амазонией. Острота этой темы такова, что защита контроля над Амазонией прописана во всех

⁷³ <https://www.euractiv.com/section/climate-environment/news/macron-threatens-to-scupper-eu-south-america-trade-deal-over-climate/>

ключевых документах национальной безопасности. Для бразильских элит суверенитет над Амазонией гораздо важнее проблем окружающей среды, поэтому Болсонару категорически отвергал любые обвинения в нанесении ущерба экологии, называя Европу «экологической сектой»⁷⁴. Скандал получил и вовсе неприглядное выражение, когда сам Жаир Болсонару и его сыновья позволили ряд оскорбительных высказываний в адрес супруги Макрона, Бриджит, переведя дискуссию в формат и вовсе базарной брани.

Масла в огонь подлили и расхождения в подходах к борьбе с пандемией коронавируса. Политика бразильского лидера, в первое время отрицавшего саму проблему *COVID-19*, а позже отстаивавшего минимизацию ограничений, нашла мало понимания не только внутри страны, но и у европейцев, исповедующих принцип «жизни важнее экономики». Имидж Болсонару в Европе оказался основательно подпорчен, хотя, кажется, его это беспокоит всё меньше. Отказ Франции ратифицировать соглашение ЕС – МЕРКОСУР в сентябре 2020 года, ставший результатом скорее влияния французского фермерского лобби, а не личных обид лидеров, вызвал крайнее раздражение в Бразилии и разрушил один из немногих мостиков, связующих страны.

Фокус бразильской внешней политики всё больше перемещается в треугольник «Бразилия – США – Китай», в рамках которого сейчас разворачивается основная дискуссия и политическая борьба внутри самой страны. Интересно, что наиболее авторитетные бразильские мозговые центры в области международных отношений (Фонд Жетулиу Варгаса, Бразильский центр международных отношений, Институт прикладных экономических исследований, Институт Рио-Бранко и другие) в целом не разделяют текущую внешнеполитическую стратегию правительства. Однако сейчас они более сосредоточены на анализе североамериканского и китайского треков бразильской внешней политики, тогда как раньше их взгляды были устремлены к Европе. Теперь Старый Свет присутствует в экспертном дискурсе в контексте сложившейся асимметрии в отношениях, что ярко продемонстрировал провал торговой сделки. Обсуждаются различные новые конфигурации диалога с ЕС, в том числе акцент на двусторонний подход и горизонтальный диалог с ЕС⁷⁵.

⁷⁴ <https://www.republicworld.com/world-news/south-america/bolsonaro-calls-europe-an-environmental-sect.html>

⁷⁵ Froio L.R., Medeiros M.A. Analysing the Asymmetry in Decentralised International Co-operation: The Case of Brazil/Europe Sub-national Relations // Contexto Internacional. 2020. Vol. 42(2) May/Aug. P. 304.

Поставив на сохранение у власти в США Трампа, а также обострив отношения с Пекином, в том числе из-за вакцины, Болсонару рискует стать заложником своей несбалансированной, излишне персонифицированной политики. Демократ Джо Байден скорее разделяет европейские подходы к проблемам сохранения Амазонии или противодействия пандемии коронавируса. Его победа заставит Итамарати⁷⁶ искать новые точки опоры в своей внешнеполитической стратегии, что может помочь возвращению Европы в список ключевых партнёров.

Александра Архангельская

Новый рассвет? Отношения между Южно-Африканской Республикой и Евросоюзом

Предыстория

Южно-Африканская Республика является ведущей региональной державой и крупным игроком на международной политической арене, о чём свидетельствует тот факт, что ЮАР уже в третий раз избирается непостоянным членом Совета Безопасности ООН, а президент Матамела Сирил Рамафоса до 6 февраля 2021 года занимал пост председателя Африканского союза (АС). По мнению многих аналитиков, главным политическим достижением администрации прежнего президента Джейкоба Зумы было вступление страны в БРИК, после чего объединение изменило своё название на БРИКС. Этот шаг стал причиной охлаждения

⁷⁶ Министерство внешних связей Бразилии. – *Прим. ред.*

отношений между ЮАР и европейскими странами как в сфере политики, так и в других областях.

В условиях стоящих перед миром серьёзных экономических и экологических проблем роль Африки как территории роста и развития продолжает возрастать. Увеличивается привлекательность этого региона в качестве зоны стратегических интересов как старых, так и формирующихся полюсов силы. Попытки расширить своё влияние на континенте предпринимают такие страны, как Индия, Китай, Южная Корея, Турция, Россия, Саудовская Аравия, Бразилия и США.

В последнее десятилетие, однако, ЮАР не удалось достичь поставленных целей. Более того, по мере выхода на арену новых мировых игроков, предлагающих собственный опыт и модели развития, она начала сдавать свои позиции в Африке и за её пределами. Сосредоточившись на решении исключительно внутренних проблем, страна начала отступать под давлением других континентальных сил. Несмотря на занимаемые ответственные посты, её влияние на континенте и в других странах продолжает ослабевать. Именно эту тенденцию и стремится повернуть вспять нынешняя администрация, обозначившая в качестве первоочередной задачи реформирование государственных учреждений и повышение их авторитета внутри страны. Одновременно под руководством президента Рамафосы, провозгласившего курс под названием «Новый рассвет», страна поставила задачу отвоевать утраченные позиции на международной арене.

В настоящей статье анализируются взаимоотношения между ЮАР и Европой, осложнившиеся в связи с выходом Великобритании из Евросоюза. Говоря о Европе, авторы статьи имеют в виду Европейский союз и покидающее его Соединённое Королевство. Вопрос о том, что развитие политических связей отстаёт от отношений в экономике и социальной сфере, остаётся открытым, хотя, по признанию сотрудников посольств европейских стран, работающих в ЮАР, при нынешней администрации ситуация в этой области стала меняться в лучшую сторону. Возникающие разногласия связаны с подходом ЮАР к выполнению части своих обязательств на африканском континенте и общим курсом на развитие сотрудничества по линии «Юг – Юг». При этом экономические связи сохраняют своё значение, так как основную часть прямых иностранных инвестиций ЮАР получает из стран Евросоюза.

Современная динамика отношений ЮАР и ЕС

В настоящее время крупнейшим торговым партнёром ЮАР среди национальных государств является Китай. Но если говорить о регионах, то на первом месте по-прежнему остаётся ЕС. При этом следует отметить, что минеральное сырьё не является основной товарной группой в торговле между ЮАР и ЕС, структура которой в достаточной мере диверсифицирована и привязана к местной обрабатывающей промышленности. Выступая в Университете Южной Африки в 2014 году, бывший посол ЕС в ЮАР Роланд ван де Гир⁷⁷ подчеркнул, что примерно 50 процентов южноафриканского экспорта в ЕС – это промышленные товары, что отвечает цели создания рабочих мест, поставленной Южной Африкой.

Несмотря на здоровые тенденции в экономических связях, политические отношения омрачаются рядом открытых разногласий по поводу направления, в котором развивается партнёрство. Дополнительным осложняющим фактором является *Brexit*. Подписание соглашения между членами Южноафриканского таможенного союза (ЮАТС)+Мозамбик и Соединённым Королевством о продлении условий Соглашения об экономическом партнёрстве между Евросоюзом и ЮАТС+Мозамбик можно было бы оценить как важный шаг в направлении укрепления стабильности в период после *Brexit*. Однако избранный Великобританией подход к выходу из Евросоюза не может не сказаться на его отношениях с ЮАР и африканским континентом в целом.

Значительные внешнеполитические расхождения между ЮАР и её европейскими партнёрами возникли из-за подхода к социально-политическому кризису, охватившему Зимбабве после череды спорных выборов и хаотичного перераспределения земельной собственности. Разногласия по этому поводу обнажают принципиальные внешнеполитические противоречия между ЮАР и Европой. К политическим расхождениям с ЕС приводит и заявка ЮАР от 2016 года на выход из состава Международного уголовного суда, хотя отношения между ними в различных областях, включая торгово-инвестиционное сотрудничество, здравоохранение,

⁷⁷van de Geer R. South Africa and the European Union: 1994 – 2014 Trends, developments and a perspective on the future, University of South Africa, Pretoria, Speech as Head of the Delegation of the European Union to South Africa, 2014.

образование, науку и технику, продолжают развиваться. Впрочем, своё намерение ЮАР пока что не выполнила и остается членом этого органа уголовной юстиции.

Таким образом, внешнеполитические интересы ЮАР в отношениях с ЕС состоят как в привлечении значительных прямых иностранных инвестиций в экономику страны, так и в обеспечении поддержки Евросоюзом panaфриканских организаций, например, Африканского союза (АС) и региональных экономических объединений вроде Сообщества развития Юга Африки (САДК). Комиссия АС является одним из важнейших органов в структуре Африканского союза, бюджет которой на 80 процентов финансируется Евросоюзом⁷⁸. Эта значительная сумма говорит о том, что ЮАР будет поддерживать тесные политические контакты с Евросоюзом независимо от того, какие цели она ставит перед собой в рамках африканской повестки дня. В период 2004–2015 годов Европейская комиссия перечислила АС примерно 1,9 миллиарда долларов США. В одном только 2015 году пожертвования в пользу Комиссии АС со стороны Европейской комиссии составили 380 миллионов долларов США⁷⁹. Африканские страны выделяют на содержание собственных организаций весьма скромные суммы, и по различным вопросам жизнедеятельности panaфриканских учреждений ЮАР приходится поддерживать тесное сотрудничество с Евросоюзом.

Торгово-инвестиционные отношения

Хотя торгово-инвестиционные отношения остаются в целом на приемлемом уровне, их доля в общем товарообороте ЮАР уменьшается. Ускорению этого процесса способствовал мировой финансовый кризис 2008 года, под воздействием которого спрос на продукцию южноафриканских предприятий на европейском рынке снизился. В связи с этим главным направлением торговой стратегии ЮАР стало развитие межафриканских торговых связей: за прошедшее десятилетие её несырьевой экспорт в страны Африки южнее Сахары возрос с 19 до почти 29 процентов, превысив экспорт в Евросоюз, который сократился с 41 до 28 процентов.

⁷⁸ European Commission. 'African Union Commission and European Commission meet to address shared EU-Africa challenges'. Press Release. Brussels. 4 April, 2016.

⁷⁹ *Ibid.*

Что касается южноафриканского экспорта в Европу, то здесь основным партнёром ЮАР является крупнейшая европейская экономика – Германия, за ней следуют по убывающей Соединённое Королевство, Бельгия, Нидерланды и Италия (табл. 1). При этом важно отметить, что в процентном отношении объёмы южноафриканского экспорта на европейский рынок продолжают сокращаться, хотя Европа всё ещё остаётся важным торговым партнёром ЮАР. Южная Африка стремится минимизировать негативное воздействие экономического спада в Европе и укрепить свои экспортные позиции в этом регионе. Торговые отношения между ЮАР и Европой регулируются, главным образом, Соглашением о торговле, развитии и сотрудничестве (СТРС) – региональным торговым договором, заключённым в 1999 году и вступившем в силу в 2000 году. По условиям соглашения, к 2012 году Евросоюз обязался снять 95 процентов таможенных ограничений на импорт продукции из ЮАР, а ЮАР – 86 процентов своих ограничений на продукцию из ЕС. В 2008 году члены Европейской зоны свободной торговли, а именно Лихтенштейн, Норвегия и Исландия, также заключили соглашение о свободной торговле с членами Южноафриканского таможенного союза и, таким образом, присоединились к СТРС.

В 2014 году между САДК и ЕС было подписано Соглашение об экономическом партнёрстве (СЭП), которое модернизировало отдельные положения СТРС. Новый торговый режим расширил доступ на рынок ЕС для южноафриканских экспортёров, создал условия для осуществления промышленной политики внутри страны и поддержки региональной интеграции. К числу важных достижений можно отнести полученное экспортёрами право на защиту географических указателей, то есть наименования по месту происхождения, такие как *Rooibos*, *Honeybush* и *Karoo Lamb*. В свою очередь, ЮАР признал некоторые пищевые продукты европейского происхождения и определённый ассортимент европейских вин. Хотя ЕС по-прежнему опережает другие страны и регионы по объёмам прямых иностранных инвестиций в южноафриканскую экономику, следует отметить относительный рост капиталовложений из быстроразвивающихся экономик Африки и Азии. Эти регионы имеют большое значение для ЮАР в контексте усилий по диверсификации экспортной продукции и минимизации последствий снижения спроса в Европе вследствие неопределённости региональных политических и экономических перспектив. Такое положение, по-видимому, продлится ещё довольно долго ввиду экономического кризиса, ставшего следствием пандемии *COVID-19*. ЮАР необходимо уже сейчас думать о разработке новой стратегии с переносом акцента на страны Латинской Америки и Карибского бассейна.

ТАБЛИЦА 1. ЮЖНОАФРИКАНСКИЙ ЭКСПОРТ В ЕВРОПУ

Страна	Экспорт (в млн рэндов)								Рейтинг	
	Авг.-15	Авг.-16	Янв. – Авг. 2016	2011	2012	2013	2014	2015	2015	2016
ГЕРМАНИЯ	5969	6429	56010	85750	97313	65348	49436	67737	1	1
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ	3152	3688	32367	57364	70940	49490	37612	41854	2	2
БЕЛЬГИЯ	2725	2372	21805	30422	39306	28680	26703	29355	3	3
НИДЕРЛАНДЫ	2342	3348	18815	42819	62387	47886	33114	25321	4	4
ИТАЛИЯ	1100	1519	10842	25806	29098	16161	11515	13913	6	5
ШВЕЙЦАРИЯ	1464	1732	9173	44227	37787	35798	17076	17168	5	6
ИСПАНИЯ	1379	1140	7866	16865	19679	12065	10510	11360	7	7
ФРАНЦИЯ	1036	991	6999	12418	17057	13542	9462	9105	8	8
РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ	361	404	2877	4430	8954	5990	3973	3699	9	9
ШВЕЦИЯ	224	174	1711	4411	4228	3805	2380	2152	10	10

Выводы

Хотя развитие политических отношений отстаёт от экономических, Европа остаётся важнейшим партнёром ЮАР, с которым республика успешно развивает двусторонние связи. Кроме того, Европа помогает ЮАР в осуществлении внешней политики в африканском регионе, обеспечивая финансовую поддержку panaфриканских учреждений. Относится это и к положению в мире, где всё большей угрозе подвергается политика многосторонности. Хотя ЮАР намерена продолжать диверсифицировать политические и торговые связи как с Глобальным Югом, так и с Глобальным Севером, новая администрация заверила европейских партнёров в том, что отношения с ними по-прежнему чрезвычайно важны для развития страны. Нынешняя

администрация подчёркивает, что посредством членства в БРИКС ЮАР надеется диверсифицировать стратегическое партнёрство, желая создать благоприятные условия для развития отношений, а вовсе не свернуть политические и экономические связи с Европой.

Тимофей Бордачёв

БРИКС и Европа: новый взгляд на международную политику. Вместо заключения

Обзор национальных подходов пяти стран БРИКС позволил нам увидеть схожее и различное в их позициях, продиктованных историческим опытом взаимодействия с европейскими странами, современным состоянием политических и экономических отношений, тем, как видят в Бразилии, России, Индии, Китае и Южной Африке современную Европу. Как мы писали выше, наш доклад – это первый опыт взгляда на международную политику «с другой стороны» по сравнению с устоявшимися за несколько столетий привычками и подходами. Европа, как и Запад в целом, более пятисот лет доминировала в международных делах. В первую очередь, за счёт своего военного могущества, за которым следовало лидерство в экономике и мире идей.

Европейская политическая философия стала основой для современной глобальной науки о международных отношениях. Чья власть, того и вера – этот принцип Аугсбургского мира всегда определял взаимосвязь между главенством в мировой политике и тем, как на неё правильно смотреть. Каждый известный нам международный порядок – Вестфальский, Венский, Версальско-Вашингтонский и Ялтинский – был европейским потому, что должен был в первую очередь решать проблему войны и мира в Европе. И, конечно, потому, что был основан на европейских принципах и правилах организации межгосударственных отношений.

Сейчас баланс сил в мировых делах меняется. Фантастический по своим масштабам рост реального значения азиатских стран в глобальной экономике и политике уже привёл к тому, что его центр сместился в Азию. Это неизбежно снижает значение любого европейского порядка для глобальной стабильности. Европа всё ещё может стать источником мировой войны – здесь напрямую соприкасаются Россия и крупнейший военный альянс НАТО. Однако судьба мира уже не зависит напрямую от того, насколько тонко и точно будут организованы отношения европейских держав. Как отмечал Генри Киссинджер, «объединение Германии стало более важным событием, чем распад СССР, а возвышение Китая – гораздо более значимым, чем объединение Германии».

Европа перестала быть эпицентром международной политики, хотя осталась её активным участником. Поэтому сейчас для нас всё более важно понимать, как будет выглядеть новый, более диверсифицированный в плане значения отдельных регионов, мир. Для этого необходимо менять оптику. Взгляд на международную политику уже не может быть направлен от Европы на всех остальных – такой подход отражает парадигму, материальная основа которой становится зыбкой. Новая материальная основа международной политики задаёт новый ракурс, под которым её необходимо оценивать.

Традиционный взгляд на политическую картину мира напоминал классический китайский подход, при котором есть «срединное государство», а все остальные оцениваются в зависимости от того, как они с этим государством связаны, далеко или близко расположены, представляют для него угрозу или нет. Такая оптика всегда вызывала понимание в части объективности её происхождения, но скепсис в части того, насколько адекватно она отражает мир, который намного многообразнее и сложнее. Однако при всём многообразии отношений внутри Европы, наш привычный взгляд на международную политику за её пределами в последние триста, по меньшей мере, лет ничем не отличался от концепции, которая делит мир на «срединное государство» и «варваров». Такой подход был адекватен, когда Европа выступала главным поставщиком войн, инвестиций и идей. Но сейчас неадекватность такого взгляда и слабость основанных на нём аналитических инструментов уже очевидны.

В силу влияния Европы и значительности места, которое она занимает в международных делах (неважно – в качестве субъекта или объекта политики), мы не можем сейчас сказать, что она не имеет для нас большого

значения. И поэтому мы должны понимать, как ведущие неевропейские страны видят Европу и свои интересы в её отношении. Но для нас также очевидно, что эти отношения не имеют для неевропейских стран центрального значения в плане их выживания в международной политике и мировой экономике. Они остаются важными, но не центральными. Отношения с Европой для таких стран, как Россия, могут быть даже в первом ряду приоритетов национальной внешней политики, но это уже не вершина мира, а один из ряда важных внешних партнёров. Не говоря уже о таких гигантах, как Индия или Китай, для которых Европа – значимый, но также лишь один из факторов реализации их более масштабных глобальных или региональных амбиций. Бразилия и Южная Африка во многом заинтересованы в Европе, но видят себя региональными лидерами, для которых связи с этим партнёром не представляют интереса сами по себе и в отрыве от более значимых стратегических приоритетов.

Авторы этого доклада не будут в качестве итога предлагать формирование единого подхода пяти крупнейших и наиболее влиятельных стран не-Запада к современной Европе. Более того, такой подход сейчас не нужен – страны БРИКС не могут стремиться к созданию коллективного интереса на основе компромисса – в ущерб своим индивидуальным интересам и ценностям. Это невозможно, когда мы имеем дело с новым типом международных объединений в новую эпоху. Однако мы думаем, что предложенный взгляд на Европу не как на самоценного партнёра, а как на элемент более широкой глобальной картины и стратегии будет всё более востребован в экспертной и политической дискуссии.

- ValdaiClubRu
 - valdaiclub
 - ValdaiClub
 - valdaiclubcom
 - @RuValdaitweets
- valdai@valdaiclub.com

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

Российский совет
по международным
делам

МГИМО
УНИВЕРСИТЕТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ